

«Я и моя семья категорически против этого закона»: гендерное гражданство и домашнее насилие в современной России

DOI: 10.19181/inter.2021.13.3.2

Ссылка для цитирования:

Муравьева М. Г. «Я и моя семья категорически против этого закона»: гендерное гражданство и домашнее насилие в современной России // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 3. С. 44–64. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.2>

For citation:

Muravyeva M. G. (2021) 'My Family and I Are Absolutely against This Law': Gender Citizenship and Domestic Violence in Contemporary Russia. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 3. P. 44–64. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.3.2>

Муравьева Марианна Георгиевна

Университет Хельсинки, Хельсинки, Финляндия

E-mail: marianna.muravyeva@helsinki.fi

В статье предлагается анализ законодательных инициатив по предотвращению супружеского и домашнего насилия в постсоветской России в связи с трансформацией концепции гендерного гражданства и дискуссией относительно «нового» частного. Особое внимание уделяется дискурсивным практикам обсуждения проекта закона «О профилактике семейно-бытового насилия», предложенного Советом Федерации к общественному обсуждению 29 ноября 2019 года, которое проходило онлайн с 29 ноября по 15 декабря 2019 года на сайте Совета Федерации и собрало 11 186 комментариев. На основе grounded theory, которая позволила выделить основные дискурсивные кластеры обсуждения, в статье артикулируется функционирование теорий культурного суверенитета и «нового частного» в современном российском публичном пространстве. В результате анализа самого обсуждения, а также нормативно-правовых документов РФ, регулирующих насилие в отношении женщин, гендерную политику и права женщин, делается вывод о том, что в постсоветской России гендерное гражданство развивается в тесной связи с концепцией культурного суверенитета, позволяющей государству избирательно гарантировать права человека, объясняя отсутствие специализированного гендерно-чувствительного законодательства охраной и защитой семьи как традиционной ценности.

Ключевые слова: гендерное гражданство; насилие в отношении женщин; домашнее насилие; культурный суверенитет; семейно-бытовое насилие; традиционные ценности

Введение

Осенью 2019 года самым обсуждаемым событием в российском публичном пространстве стала работа над законопроектом «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». Хотя данный законопроект и не был первым подобного рода документом, находящимся на рассмотрении у законодателя, общественное обсуждение законопроекта оказалось беспрецедентно накаленным. Еще до появления в открытом доступе официальной версии, 15 октября 2019 года ИА REGNUM опубликовал открытое письмо президенту РФ В.В. Путину от лица 181 общественной организации, требующей не допустить внесения законопроекта в Госдуму¹. Ряд родительских и консервативных организаций организовал протесты и пикеты против законопроекта в октябре-ноябре 2019 года². Представленная в печати версия вызвала еще более агрессивную волну критики не только со стороны противников законопроекта, но и тех, кто его поддерживал и продвигал³. Общественное обсуждение законопроекта и проблемы домашнего, или «семейно-бытового», насилия выявило фундаментальные изменения в подходах к концепции гендерного гражданства, правам человека и демаркации частного/публичного в постсоветской России.

В данной статье предлагается анализ законодательных попыток и инициатив по предотвращению супружеского и домашнего насилия в постсоветской России в связи с трансформацией концепции гендерного гражданства и формированием «нового» частного. Особое внимание уделяется дискурсивным практикам во время обсуждения проекта закона «О профилактике семейно-бытового насилия», предложенного Советом Федерации к общественному обсуждению 29 ноября 2019 года⁴. Обсуждение проекта проходило онлайн с 29 ноября по 15 декабря 2019 года на сайте Совета

¹ Открытое письмо президенту России В.В. Путину «Мы против принятия Закона о семейно-бытовом насилии!» // ИА REGNUM. 15.10.2019. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2748248.html> (дата обращения: 06.05.2021).

² В Москве пройдет митинг против закона о домашнем насилии // Интерфакс. 20.11.2019. URL: <https://www.interfax.ru/moscow/684836> (дата обращения: 06.05.2021).

³ Горин В. Финальная версия законопроекта о домашнем насилии стала неожиданностью для его соавторов. Они назвали документ «реверансом в сторону фундаменталистов» // Meduza (иностранное средство массовой информации, выполняющее функции иностранного агента, и (или) российское юридическое лицо, выполняющее функции иностранного агента). 30.11.2019. URL: <https://meduza.io/feature/2019/11/30/opublikovannyi-sovetom-federatsii-zakonoproekt-o-domashnem-nasilii-stal-neozhidannostyu-dlya-ego-soavtorov-oni-nazvali-dokument-reveransom-v-storonu-fundamentalistov> (дата обращения: 06.05.2021).

⁴ Проект Федерального Закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» от 29.11.2019. Совет Федерации. URL: <http://council.gov.ru/media/files/rDb1bpYASUAXolgmPXEFkLUlq7JAARUS.pdf> (дата обращения: 06.05.2021).

Федерации¹. Всего было оставлено 11 186 комментариев. Все комментарии были загружены в мастер-файл MS Word и закодированы с использованием системы макросов, затем конвертированы в файл MS Excel [Meyer, Avery, 2009]². Основным методом анализа стала grounded theory, которая позволила выделить основные дискурсивные кластеры обсуждения, ставшие основой для использования теорий культурного суверенитета и «нового частного», о которых речь пойдет ниже. Настоящий анализ в совокупности с анализом нормативно-правовых документов РФ, регулирующих насилие в отношении женщин, гендерную политику и права женщин, позволил сделать вывод о том, что в постсоветской России гендерное гражданство развивается в тесной связи с концепцией культурного суверенитета, позволяющей государству избирательно гарантировать права человека, объясняя отсутствие специализированного гендерно-чувствительного законодательства охраной и защитой семьи как традиционной ценности.

Теоретические подходы к гендерному гражданству: права женщин между старым публичным и новым частным

Одной из фундаментальных трансформаций в постсоветской России стало преобразование гендерного порядка. Изменилась система гендерных контрактов, соотношение полоролевых сценариев и гендерная социализация [Российский гендерный порядок..., 2007]. Однако в рамках постсоветской системы гендерных контрактов права женщин так и не получили специального закрепления (отдельного контракта) в законодательстве новой России, которое остается гендерно-слепым и по сей день [Muravyeva, Noage, 2020], хотя идеология прав человека и была провозглашена основной ценностью Конституции 1993 года (ст. 2), а права женщин закреплены как равные мужским (ст. 19.3). Наличие специального гендерно-чувствительного законодательства и гендерной повестки дня в органах законодательной и исполнительной власти тесно связано с формами и моделями гендерного гражданства.

В российском политическом и правовом контексте обсуждение концепции гражданства ведется вокруг «устойчивой связи» между человеком и государством, выражающейся в «совокупности их взаимных прав и обязанностей» (Федеральный закон № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», ст. 3)³. В англоязычной же литературе делается упор на принадлежность к сообществу или группе, что и порождает права и обязанности индивида

¹ URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (дата обращения: 06.05.2021).

² В кодировании принимали участие члены проектной группы «Женщины и гендер в публичном управлении» НИУ ВШЭ Москва под руководством Валерии Уткиной: Валерия Уткина, Мария Давиденко и Алина Ефимова. Сайт проектной группы: <https://social.hse.ru/pg/news/keywords/460911946/> (дата обращения: 06.05.2021).

³ Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 № 62-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36927/ (дата обращения: 06.05.2021).

как члена данного сообщества [Turner, 1993; Здравомыслова, Темкина, 2007; Бороздина, 2015]. Статичность российского определения «устойчивой связи» демонстрирует модель гражданства, в которой ожидается обмен правами и обязанностями: государство гарантирует права, порождающие обязательства по выполнению данных прав и иных предписаний государства. Динамичная модель участия и принадлежности, присущая современным теориям демократического гражданства, предполагает постоянное изменение прав и статусов, направленное на достижение фактического равенства [Siim, 2000]. Обе модели предполагают наличие эксплицитного закрепления прав всех граждан в законодательстве.

Для женщин, однако, включенность в категорию граждан исторически является проблематичной. Феминистский анализ гендерного гражданства последних сорока лет продемонстрировал, что женщины чаще всего оказываются исключенными из предполагаемых универсальных концепций гражданства. В середине 1980-х годов Кэрол Пейтман одной из первых предоставила критический анализ демократических моделей гражданства, показав, что женщины считаются гражданками исключительно благодаря своему материнскому статусу [Pateman, 1985]. В своих более поздних работах Пейтман объяснила такую избирательность прямой зависимостью от разделения на частную и публичную сферу в современных ей демократических обществах [Pateman, 1988]. Так как государство оперирует в публичной сфере, идентифицируемой как мужской, а само по себе определение гражданства формулируется именно в этой сфере, то оно, таким образом, отражает, скорее, потребности мужчин, нежели женщин. Женщины могут быть включены в концепции гражданства только тогда, когда их «гражданский» долг, определяемый через материнство, является выполненным [Pateman, 1992].

В развитие критической дискуссии Сильвия Уолби в середине 1990-х годов показала, как популярные политические теории гражданства, сформулированные Т. Маршаллом, М. Манном и Б. Тюрнером, исключают женщин как категорию из понятия гражданства благодаря проводимой ими дифференциации между индивидом, оперирующим в публичной сфере, и индивидом, живущим частной жизнью. В классической либеральной политической философии нового времени частная жизнь понимается как автономная от государства и поэтому свободная от регулирования с его стороны [Walby, 1994]. Так как частная жизнь идентифицируется с семьей, то и последняя оказывается вне пределов государственного регулирования. Для Пейтман, Уолби и других феминисток решением проблемы доступа женщин к полноценному гражданству является пересмотр положения женщины в семье через реконцептуализацию социального гражданства и «выведение» женщины в публичную сферу с признанием ее домашнего труда равного другим видам экономической деятельности [Walby, 1994: 391–392].

Феминистская критика классических теорий гражданства и ее структурирование в рамках дихотомии частного и публичного в 1980-е и 1990-е годы исключительно важна для понимания развития постсоветских практик и теорий гендерного гражданства [Кондаков, 2014]. Как отмечали в начале 2000-х

годов Е. Здравомыслова и А. Темкина, постсоветское гендерное гражданство имеет ряд особенностей, мало совместимых с западными моделями по причине отсутствия в советское время идеологии невмешательства в частную жизнь со стороны государства и активного присутствия женщин на рынке труда. Их анализ показывает, что сформировались «неотрадиционные» практики постсоветского гендерного порядка, в котором происходит активное формирование автономной частной сферы и «приватизация» материнства и работы [Здравомыслова, Темкина, 2007].

Выделение частной сферы и ее жесткое противопоставление публичной сфере особенно заметны в формировании идеологии защиты частной жизни от вмешательства государства, тесно связанной с идеологией «традиционных ценностей», ставшей доминирующим дискурсом российских властей и политической элиты в последние десять лет [Муравьева, 2014; Chapnin, 2020]. Лозунг «защиты частной жизни» является основным лозунгом родительских организаций, борющихся за «традиционную семью», понимаемую как автономную от государства и защищенную от вмешательства государственной политики [Höjdestrand, 2017]. Их деятельность имеет два четких направления: 1) борьба против так называемой ювенальной юстиции; 2) борьба против специализированного гендерно-чувствительного законодательства, особенно законодательства о предотвращении насилия в семье. При обсуждении проекта закона «О профилактике семейно-бытового насилия» осенью 2019 года стало совершенно очевидно, что концепция гендерного гражданства обрела свое классическое звучание, то есть оказалась структурированной в рамках жесткого разделения на частное и публичное, в котором частное, идентифицируемое с семьей, материнством и детством, позиционируется как нуждающееся в защите от вмешательства государства, иначе произойдет разрушение семьи [Маркова, 2019].

Локализация международных норм по защите от насилия в семье, традиционные ценности и культурный суверенитет в действии

Законопроект о «Профилактике семейно-бытового насилия» предложил ряд правовых новелл, в самом названии используя традиционное для российской криминологии определение насилия в семье, а не более распространенное в литературе выражение «домашнее насилие» [Muravyeva, 2014]¹. Наиболее спорными и обсуждаемыми стали само определение семейно-бытового насилия и введение защитных предписаний. В поддержку законопроекта выступили женские общественные организации: критикуя определение, данное в ст. 1 законопроекта, они, однако, настаивали на необходимости принятия данного закона как защищающего права женщин и создающего более эффективную

¹ Муравьева М., Новокунская А. Закон о домашнем насилии – да или нет? // YouTube-канал «Европейский университет в Санкт-Петербурге». 13.05.2020. URL: https://www.youtube.com/watch?v=m-ylrW7aFfA&list=PL4bzSxktNNjggptLS9QAntZpsPJQTV_9c&index=3&t=585s (дата обращения: 06.05.2021).

систему защиты от домашнего насилия¹. Консервативные организации, выступая против законопроекта и самой его необходимости, мобилизовали дискурс об угрозе семье и семейным ценностям, заклеив законпроект как результат бездумного импорта иностранных законов и происков феминисток и ЛГБТ-организаций². Согласно заключению на законопроект аналитического центра «Семейная политика.рф», представленного «негосударственными организациями, действующими в сфере защиты семьи, материнства, отцовства и детства, чтобы помочь российскому государству и обществу защищать, сохранять и укреплять институт семьи», в случае принятия закон окончательно разрушит семью, приведет к демографической катастрофе, потере суверенитета и гибели России [Правовой анализ..., 2019: 1].

Дискуссия, возникшая в процессе общественного обсуждения законопроекта, не является ни новой, ни оригинальной. В начале 2000-х годов Салли Мерри, исследовательница-антрополог права, обозначила данный процесс как локализацию международных правовых норм [Merry, 2003]. Данная локализация часто выливается в интенсивную дискуссию вокруг противопоставления «универсальных прав» «локальной культуре», составляющую суть концепции культурного суверенитета, или, другими словами, международные наднациональные инструменты защиты прав человека могут быть ограничены национальными суверенитетами в целях «правильной» интерпретации культурных нужд их граждан и культурных параметров, определяющих уклад в данной локальности, то есть традицией [Bayefsky, 1996; Hodžić, 2009].

Россия начала открыто эксплуатировать данную концепцию в конце 2000-х в процессе «консервативного поворота» [Ilyin, 2016; Великая, Овчарова, 2020]. Помимо официальной риторики защиты суверенитета, два важных события сигнализировали изменения в позиции РФ на международной арене. Первым событием было инициированное РФ в марте 2011 года в Совете по правам человека ООН обсуждение прав человека в свете защиты традиционных ценностей³, которое закончилось заключением специально созданного консультативного комитета о том, что традиционными ценностями являются свобода, достоинство и ответственность, и именно они служат основой для защиты прав человека⁴. В частности, в п. 9 со ссылкой на Специального докладчика по вопросу о насилии в отношении женщин, разъяснялось:

¹ Каким быть российскому закону о профилактике домашнего насилия? // Голос Америки (иностранный источник массовой информации, выполняющий функции иностранного агента, и (или) российское юридическое лицо, выполняющее функции иностранного агента). 20.01.2020. URL: <https://www.golosameriki.com/a/russia-domestic-violence-law/5252595.html> (дата обращения: 06.05.2021).

² Гальперин А. Кто и почему выступает против закона о домашнем насилии // РИА Новости. 08.12.2019. URL: <https://ria.ru/20191208/1562071651.html> (дата обращения: 06.05.2021).

³ ООН. Совет по правам человека. Шестнадцатая сессия. Пункт 3 повестки дня. Поощрение и защита всех прав человека, гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, включая право на развитие. A/HRC/RES/16/3. 08.04.2011. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/G11/124/94/PDF/G1112494.pdf?OpenElement> (дата обращения: 06.05.2021).

⁴ ООН. Совет по правам человека. Двадцать вторая сессия. Пункты 3 и 5 повестки дня. Исследование Консультативного комитета Совета по правам человека, посвященное вопросу о поощрении прав человека и основных свобод путем более глубокого понимания традиционных ценностей человечества. A/HRC/22/71. 06.12.2012. URL: https://www.ohchr.org/documents/HRCouncil/AdvisoryCom/Session10/A.HRC.22.71_ru.pdf (дата обращения: 06.05.2021).

«Согласно Специальному докладчику по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях, основные ценности, защищаемые и поощряемые правами человека, в том числе достоинство, равенство и само понятие прав, были сформулированы в многочисленных литературных произведениях, в религии и культурной практике народов всего мира и получили формальное закрепление в международном праве в результате принятия консенсусных решений представителями государств — членов Организации Объединенных Наций в ходе многосторонних переговоров и благодаря пропагандистской деятельности групп гражданского общества»¹.

Вторым событием в том же 2011 году стал отказ РФ подписать конвенцию Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье или, сокращенно, Стамбульскую конвенцию², на основании несовместимости текста Конвенции и ее терминологии, то есть понятия гендер, с российскими правовыми документами. Надо отметить, что Стамбульская конвенция является камнем преткновения между Советом Европы и РФ по сей день. В 2018 году по результатам универсального обзора по правам человека в РФ, инициированного Советом по правам человека ООН, подписание и ратификация Стамбульской конвенции очередной раз оказались в рекомендациях для борьбы с насилием в отношении женщин и домашним насилием³. В ответ РФ заявила, что «в стране имеются все необходимые юридические нормы административного и уголовного права для защиты женщин от насилия в семье, и их эффективность подтверждается правоприменительной практикой»⁴.

Такая позиция РФ может быть охарактеризована как «консервативная интерпретация права» (conservative jurisprudence, [Muravyeva, 2017]). Она необходима для эффективного функционирования концепции культурного суверенитета, так как ее целью является наиболее лояльное соблюдение правовой традиции интерпретации нормативно-правового документа. Когда речь идет о локализации международных правовых концепций, особенно понимаемых как «новых», как в случае с концепцией прав человека и, тем более, прав женщин, консервативная интерпретация права позволяет легитимировать ограничение прав и свобод ради соблюдения традиции [Muravyeva, 2017]. Эксплицитно данную позицию выразил Конституционный

¹ Там же. С. 4.

² Совет Европы. Конвенция № 210 по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье. Стамбул, 11.05.2011. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/09000016806b0687?module=treaty-detail&treatynum=210> (дата обращения: 06.05.2021).

³ ООН. Совет по правам человека Тридцать девятая сессия 10–28 сентября 2018 года. Пункт 6 повестки дня. Универсальный периодический обзор. Доклад Рабочей группы по универсальному периодическому обзору. Российская Федерация. 12.06.2018. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G18/212/11/PDF/G1821211.pdf?OpenElement> (дата обращения: 06.05.2021).

⁴ ООН. Совет по правам человека. Универсальный периодический обзор. Позиция по рекомендациям, высказанным в адрес Российской Федерации иностранными делегациями в ходе 3 цикла Универсального периодического обзора. A_HRC_39_13_Add.1. 14.05.2018. URL: <https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/UPR/Pages/RUindex.aspx> (дата обращения: 06.05.2021).

суд в своем нашумевшем постановлении № 21-П от 14 июля 2015 года о проверке конституционности ратификации Европейской конвенции по правам человека в отношении исполнения решений Европейского суда по правам человека:

«[...] если Европейский Суд по правам человека, толкуя в процессе рассмотрения дела какое-либо положение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, придает используемому в нем понятию другое, нежели его обычное, значение либо осуществляет толкование вопреки объекту и целям Конвенции, то государство, в отношении которого вынесено постановление по данному делу, вправе отказаться от его исполнения, как выходящего за пределы обязательств, добровольно принятых на себя этим государством при ратификации Конвенции»¹.

Таким образом, любые положения Конвенции, эксплицитно в ней не закрепленные — например, права женщин или представителей ЛГБТ-сообщества, нарушение которых часто интерпретируется через ст. 3 (запрещение пыток в случаях насилия по гендерному признаку) и ст. 12 (право на вступление в брак в случае отказа во вступление в брак негетеросексуальным парам), не могут быть использованы в РФ, так как данный смысл не был заложен при ее изначальном принятии в 1950 г. Такой способ интерпретации также называется оригинализмом (originalism), наиболее известным представителем и ревностным адептом которого являлся судья Верховного Суда США Антонин Скалия (1936–2016) [Bibas, 2016]. Основываясь на данных позициях, российские власти на рекомендации международных организаций по изменению национального законодательства согласно обязательствам по ратификации международных договоров отвечают по принципу «у нас итак все необходимые правовые нормы/законы есть». Такой аргумент против принятия гендерно-чувствительного законодательства довольно часто применялся и применяется российским законодателем в постсоветское время. В частности, в 1997 году при обсуждении в Государственной думе законопроекта «Об основах социально-правовой защиты от насилия в семье»², внесенного Комитетом по делам женщин, семьи и молодежи, было сделано заключение о том, «что в Уголовном кодексе уже существует 50 уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность не только за тяжкие преступления, но и такие, как побои, истязания, угрозы

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. N 21-П г. Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». URL: <https://rg.ru/2015/07/27/ks-dok.html> (дата обращения: 06.05.2021). §3.

² Законопроект № 97700685-2 от 11.03.1997 «Об основах социально-правовой защиты от насилия в семье». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97700685-2> (дата обращения: 06.05.2021).

убийства и так далее. 12 статей в Семейном кодексе. [...] никакими новыми законами мы не избавим человека от насилия»¹.

В свете такого подхода неудивительно, что центральным аргументом против принятия законопроекта о семейно-бытовом насилии стало утверждение о наличии в РФ необходимого законодательства по защите от насилия в семье и сетования по поводу неэффективной работы полиции. Довольно распространена критика авторов законопроекта в бездумном переписывании международных документов, а именно Стамбульской конвенции. Участники общественного обсуждения часто используют Стамбульскую конвенцию как пример вторжения в российский культурный суверенитет, предполагая, что законопроект является слепком с конвенции. Противопоставление «мы — Запад» характерно для комментариев, требующих снять с рассмотрения законопроект²:

«Закон о семейно-бытовом насилии — “слово в слово” списано со Стамбульской конвенции, мы живем в традиционном обществе и не хотим такого равноправия как в Европе и в США, мы категорически против данного закона. Мы за крепкую и большую семью!» (В.Е., жен., 11.12.2019).

Интересно, что большинство поминающих Стамбульскую конвенцию черпают сведения о ней либо из других комментариев, либо с сайтов консервативных организаций. В одном из комментариев участница обсуждения признается, что прочитала конвенцию, следуя утверждениям о том, что она является основой закона, и «пришла в ужас»:

«Да, основой этого законопроекта является Стамбульская конвенция. Я внимательно ее прочитала, ужаснулась. Это они еще побоялись внести в эту редакцию статьи, например, № 14 “Образование” — требование “включения педагогического материала по таким вопросам, как равенство между мужчиной и женщиной, НЕСТЕРЕОТИПНЫЕ ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ, взаимное уважение”, или гл. 3, статья 12 — “Стороны принимают все необходимые меры по ВНЕДРЕНИЮ ИЗМЕНЕНИЙ в социальных и культурных моделях поведения женщин и мужчин с целью искоренения предрассудков обычаев, традиций... которые основаны на идее стереотипных представлениях о роли женщины и мужчины”, или статья 4 — “принятие мер по защите жертв должно быть обеспечено без дискриминации по признаку пола, расы... сексуальной ориентации, гендерной идентичности”. То есть пока что нам пытаются навязать первую часть Стамбульской конвенции — касающейся семьи. Если закон будет принят, следующим шагом будет эта часть, легализующая ЛГБТ» (Г.А., жен., 14.12.2019).

¹ Государственная Дума РФ. Стенограммы обсуждений. Заседание 109. 20.06.1997. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97700685-2> (дата обращения: 06.05.2021).

² Все цитаты приводятся так, как они опубликованы на сайте обсуждения: <http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/> (дата обращения: 06.05.2021). Хотя на сайте указаны персональные данные участников (ФИО), мы оставили только инициалы, пол и дату поста.

Надо отметить, что авторка комментария стратегически цитирует статьи Конвенции и делает неожиданные выводы из текста. Конвенция разделена не на части, но на главы (всего 12 глав и 81 статья). Ст. 4 «Основные права, равенство и недискриминация» закрепляет обычные для международных договоров принципы запрета дискриминации и фокусируется прежде всего на женщинах. При цитировании ст. 14 авторка опустила фразу «когда это целесообразно». Таким образом, несмотря на прочтение документа, участники дискуссии все равно, скорее, выбирают из него те положения, которые подтверждают их страхи, нежели читают документ как целое. Таков и принцип критики законопроекта: выбираются те положения, за которые «зацепились глазом», что создает фрагментарное представление о законе.

Более того, процитированные в комментарии нормы следуют Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и резолюциям Комитета по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (№ 19 и 35); однако ни один из этих документов не удостоился внимания участников, хотя и присутствует обсуждение Конвенции о правах ребенка и Европейской конвенции о защите прав и свобод (ЕКПЧ). Благодаря активной кампании консервативных организаций (например, РВС¹) и разного рода экспертизам от них (например, [Правовой анализ..., 2019]) именно Стамбульская конвенция превратилась в угрозу культурному суверенитету и традиционным ценностям, и все потому, что принцип защиты от насилия формулируется в гендерной терминологии:

«Законопроект акцентируется на “семейно-бытовом насилии” исключительно по причине существования НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ рекомендаций, которыми по сути является не подписанная Россией “Стамбульская конвенция”, которая продвигает помимо борьбы с насилием против женщин ряд других представлений, которые как минимум неоднозначно воспринимаются в обществе: самый яркий пример, т.н. “гендерная идеология”» (Б.А., муж., 02.12.2019).

Требование отказаться от принятия новых законов также тесно связано с утверждением, что российское право содержит все необходимые нормы для эффективной борьбы с насилием:

«В действующем законодательстве Российской Федерации есть более 40 статей, которые дифференцированно (по степени причинения вреда здоровью) защищают всех жертв насилия. Законы предусматривают профилактику насильственных преступлений и запрет на совершение определенных действий со стороны виновного в насилии. Российское право не выделяет семейно-бытовое насилие в отдельную группу, поскольку 80% насильственных преступлений совершаются вне семьи, посторонними для жертвы лицами» (Т.Я., жен., 14.12.2019).

¹ URL: <https://rvs.su/> (дата обращения: 06.05.2021).

«Жертв насилия сейчас защищает около 40 статей УК РФ, и около 5 КоАП. Не надо изобретать велосипед, надо исполнять законодательство» (З.И., муж., 30.11.2019).

В свою очередь, плохая работа полиции и ностальгия по традиционным способам борьбы с семейно-бытовым насилием обнажают глубоко укоренившиеся представления о причинах насилия в семье:

«Я против законопроекта. В РФ есть Уголовный Кодекс, давайте соблюдать действующее законодательство! Необходимо, чтобы ответственные лица нашей полиции выполняли свои функции при обращении граждан. Лучше бы занялись вопросом как вернуть принудительное лечение алкоголизма и наркомании, чтобы оно было доступно всем слоям общества» (Б.Е., жен., 02.12.2019).

«Нужно имеющееся законодательство выполнять, а не придумывать бредовые, антиконституционные законы (а точнее, копировать западные)! Ввести ответственность для участковых на местах за игнорирование обращений от жертв насилия, любого насилия, а не только семейного» (П.Е., жен., 02.12.2019).

Сопrotивление принятию нового закона, как очевидно из приведенных комментариев и анализа дискуссии, тесно связано с необходимостью защиты собственной локальной идентичности, что является довольно важным процессом в постсоветской России. Как только изымается референция к Другому (Стамбульской конвенции в нашем случае), дискуссия становится прагматичной, понятной и знакомой: семейно-бытовое насилие есть результат алкоголизма, наркомании и общей криминогенной обстановки, плохой работы органов внутренних дел, проблем правоприменения. Без гендера, прав женщин, гендерной идеологии само по себе обсуждение сводится, собственно, к критике текста законопроекта, особенно определения семейно-бытового насилия и защитных предписаний, которые, по иронии, фреймируются внутри дискурса о правах человека.

Разрушение семьи или защита прав женщин: нарративы гендерного гражданства в публичном обсуждении законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия

Как было указано выше, наиболее бурную критику и дискуссию вызвали два сюжета в законопроекте: определение семейно-бытового насилия в ст. 2 и правовая новелла по введению защитных предписаний в ст. 24–25. В рамки данной статьи не входит обсуждение определения семейно-бытового насилия, предложенного в законопроекте, или правовой анализ необходимости защитных предписаний. Стоит лишь отметить, что определение в ст. 2 не только не содержалось в оригинальном законопроекте, разработанном экспертами,

и явилось неожиданностью для них¹, но и вызвало бурную критику со всех сторон, особенно со стороны юристов [Дюбан и др., 2020: 28–29]. Главной проблемой стало определение семейно-бытового насилия как умышленного деяния, причиняющего или содержащего угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда, *не содержащего признаки административного правонарушения или уголовного преступления* (выделено мной. — М. М.) (Проект Федерального Закона, ст. 2). Данное определение отличается от принятого в отечественной криминологии определения семейно-бытового насилия, которое, наоборот, включает в данное понятие все насильственные действия, предусмотренные отечественным уголовным и административным правом, а также экономическое и психологическое насилие, осуществляемое членами семьи и ведущими совместное хозяйство в отношении друг друга (см. из последних [Сердюк, 2015]; см. обзор в [Muravyeva, 2014]). Оно также противоречит принципу криминализации любого насилия, особенно наносящего вред, на что участники общественного обсуждения сразу же обратили внимание:

«Если “семейно-бытовое насилие — деяние не содержащее признаки административного правонарушения или уголовного преступления” — тогда это что-то новое. От противоправных деяний вполне успешно защищают Уголовный и Административный Кодексы. От чего хотят защитить семью? Такое впечатление, что от нормальных традиционных человеческих отношений [...] Определения содержащиеся в законопроекте настолько двусмысленны и расплывчаты, что создается законодательная основа для легкого и безосновательного вмешательства государства и НКО в личную жизнь любого человека» (К.А., муж., 29.11.2019).

«Определение семейно-бытового насилия сформулировано очень широко; это понятие ограничено только умышленным характером деяния и тем, что оно не относится к административному правонарушению и преступлению [...] Отсюда возникает вопрос: какое насилие в контексте семейных отношений, не наказуемое по названным кодексам, имеется в виду? Не подпадает ли под рассматриваемую формулировку в большинстве случаев «насилие», неизбежное в супружеских отношениях (например, ссоры, психологически негативно влияющие на всех членов семьи, включая детей), или физические и психологические меры, необходимые для воспитания ребенка, чтобы он знал, что такое чувство стыда, что является хорошим, а что — дурным и т.п., или, наконец, применение силы к члену семьи, если его необходимо срочно спасти либо просто нужно спешить» (К.Н., муж., 15.12.2019).

¹ Горин В. Финальная версия законопроекта о домашнем насилии стала неожиданностью для его соавторов. Они назвали документ «реверансом в сторону фундаменталистов» // Meduza (иностранное средство массовой информации, выполняющее функции иностранного агента, и (или) российское юридическое лицо, выполняющее функции иностранного агента). 30.11.2019. URL: <https://meduza.io/feature/2019/11/30/opublikovannyi-sovetom-federatsii-zakonoproekt-o-domashnem-nasilii-stal-neozhidannostyu-dlya-ego-soavtorov-oni-nazvali-dokument-reveransom-v-storonu-fundamentalistov> (дата обращения: 06.05.2021).

Приведенные выше комментарии довольно хорошо отражают основные опасения участников дискуссии, особенно мужчин, так как абсолютное большинство околоюридических размышлений в обсуждении принадлежит мужчинам. Все опасаются того, что «размытость» определения даст властям возможность вмешательства в то, что людям видится как «нормальные» семейные отношения, что, в свою очередь, воспринимается как ограничение их прав. Дискурс прав человека является центральным в данном обсуждении. И женщины, и мужчины ссылаются на Конституцию РФ и другие нормативно-правовые документы (Семейный кодекс, Гражданский кодекс, конвенции ООН, ЕКПЧ) как гарантирующие их права, противопоставляя им законопроект как документ, ведущий к ограничению прав и вмешательству в частную жизнь, идентифицируемую с семейной жизнью.

Тем не менее оказалась заметной разность дискурсов мужчин и женщин относительно прав. Мужчины в целом сосредоточились на абстрактных категориях с отсылкой к юридическим принципам:

«Предлагаемый законопроект противоречит принципам разумности, справедливости, адекватности, равенства и правовой определенности; нарушает Конституцию Российской Федерации и права граждан, которые она гарантирует; нарушает права граждан, гарантированные действующими законами; создает условия для проявления коррупции...» (К.С., муж., 15.12.2019).

Женщины сфокусировались на более детальном перечислении того, что в их понимании является нарушением прав:

«Я категорически против закона о семейном насилии. Во-первых, он нарушает права человека. Презумпцию невиновности и право на невмешательство третьих лиц в семейную жизнь. Считаю вмешательство НКО в семейную жизнь категорически недопустимым...» (К.М., жен., 14.12.2019).

Наиболее озабоченными нарушением прав оказались, однако, мужчины, особенно в связи с положением о защитном предписании. Ст. 24 и 25 предполагают использование защитного предписания для изъятия насильника с места совместного проживания с жертвой для охраны переживших насилие. Сам по себе охранный ордер (защитное предписание) является стандартным методом обеспечения безопасности членов семьи от насильника в процессе досудебного и судебного разбирательства, предусмотренным международными инструментами [Dowling et al., 2018]. Введение защитного предписания предполагалось еще в законодательных инициативах 1990-х годов, в частности в проекте ФЗ «Об основах социально-правовой защиты от насилия в семье» 1997 года, упомянутом выше [Сидоренкова, Либоракина, 1998]. Однако в дискуссии защитное предписание выступает не только как инородный и чуждый трансплантат из Стамбульской конвенции, но и как инструмент нарушения права собственности мужчины:

«Я внимательно ознакомился с текстом закона, и категорически против данного законопроекта! Закон нарушает конституционные права и свободы прежде всего мужчин, а права и свободы “обижаемых” вполне защищает действующий уголовный кодекс РФ. Если без суда и следствия выбрасывать мужчину из его жилья по ложному заявлению — будет мятеж, причем кровавый» (М.Е., муж., 15.12.2019).

Рефрен «махинаций с жильем» в связи с защитным предписанием является довольно настойчивым. Основные опасения вызвала ст. 24, по которой защитное предписание выдается должностным лицом органов внутренних дел по заявлению пострадавших от семейно-бытового насилия:

«Этот законопроект содержит совершенно неприемлемые нормы, в частности: [...] 7) возможность любым заинтересованным лицам удалить навсегда любого владельца жилья из приглянувшейся квартиры или дома, соблазнить его жену/мужа и сожительствовать с ним припеваючи...» (Е.В., муж., 01.12.2019).

Как мужчины, так и женщины сразу определили женщин как потенциальных «аферисток» и «хищниц» до жилья:

«ЗАКОН НАРУШАЕТ ПРАВО ЧЕЛОВЕКА НА СОБСТВЕННОЕ ИМУЩЕСТВО. ДЕВУШКА ЖИВЕТ У ПАРНЯ, СКАЗАЛА, ЧТО ОН ЕЙ ДЕНЕГ НЕ ДАЛ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ, ПАРНЯ ВЫСЕЛЯЮТ ИЗ ЕГО КВАРТИРЫ, ВЫДАЮТ ОХРАННЫЙ ОРДЕН, А ДЕВУШКА ЖИВЕТ ТАМ СКОЛЬКО ХОЧЕТ»¹ (Х.Я., жен., 01.12.2019).

«Закон открывает прекрасные перспективы для мошенниц всех мастей. Находим молодого человека с квартирой, затем получаем статус совместно проживающей, а затем статус страдающей и угнетаемой. Вуаля, тирана отселили жить к маме, и попробуйте теперь выселить жертву из Вашей квартиры. Вы хоть понимаете на какой поток будет поставлен этот бизнес в крупных городах?» (Б.В., муж., 29.11.2019).

Дискурс права собственности и опасения о его несоблюдении в связи с возможностью выселения по выданному полицией защитному предписанию тесно связан с дискурсом «нового частного», то есть с невмешательством в частную жизнь, понимаемую как невмешательство в дела семьи. Так как физическим пространством нахождения семьи является жилье, то «квартирный вопрос», еще с советских времен являющийся большой темой для российского общества, приобретает новое звучание. Абсолютное право собственности на жилье определяет демаркационную линию вмешательства государства в дела семьи: оно должно остаться за порогом квартиры.

¹ Так на сайте. — М. М.

Суверенитет семьи превращается в центральный и наиболее повторяемый аргумент против законопроекта. Разрушение семьи ведет к разрушению суверенитета страны:

«Суверенитет личности и семьи это неотъемлемое условие для суверенитета государства! Данный закон направлен на разрушение личности, разрушение семьи, на фрагментацию общества и на разрушение государства» (М.В., муж., 13.12.2019).

Оказываясь, как видится участникам дискуссии, в ситуации выбора между нужными правовыми мерами (защитой пострадавших от домашнего насилия) и суверенитетом семьи, участники выбирают суверенитет как необходимый инструмент гарантии прав:

«К сожалению, под видом самым благонамеренным у нас проводятся законы, подрывающие основы нашей жизни — личной и государственной. Под прицел манипуляций ставится семья, которая утрачивает свой суверенитет. Если даже есть что-то положительное (а оно, конечно, есть в желании законодательно оградить жертв домашнего террора), то те риски, которые открываются с принятием этого закона, — превосходят положительные моменты (и так поддерживаемые другими законодательными установлениями), по губительным следствиям для самого института семьи. Этого нельзя допустить. Считаю, что принятие этого закона подобно троянскому коню, из-за которого пала Троя. Я против его принятия» (Р.З., жен., 11.12.2019).

Действительно, «троянским конем» выступает здесь «частное» и неприкосновенность частной жизни. В процессе дискуссии очевиден пересмотр «частного» и значений, которые несет «частная жизнь» как «семейная жизнь». Идентификация частного с семьей и домом имеет важное значение для постсоветского субъекта, особенно для женщин [Усманова, 2009]. Дж. Уитман в свое время продемонстрировал разницу между европейским и американским подходом к «частному» [Whitman, 2004]. С его точки зрения, суть европейского понимания частного, частного связана с понятием достоинства и его уважения, с понятием репутации и важности самоопределения, в то время как американский подход более ориентирован на свободу, особенно свободу от государства. В европейской интерпретации частное ассоциируется с защитой частной жизни, которая может включать право на создание семьи, тогда как в американской интерпретации частное локализуется в семье и пространстве размещения семьи, обретая физические границы защиты частного [Whitman, 2004: 1160–1171]. В уитмановской интерпретации, участники общественного обсуждения придерживаются американского подхода к частному, так как постоянно предупреждают об опасности вмешательства в дела семьи с целью контроля над оной. В критику законопроекта часто входит утверждение, что закон будет использоваться государством для контроля над семьей:

«У России есть шанс остаться оплотом традиционной нравственности и хранительницей исконных семейных ценностей в цивилизованном мире. Если она отразит духовный натиск противников семьи как института. Не смотря на все старания подорвать авторитет родительства и семейного воспитания в нашей стране иностранными “благодетелям”, в России все равно большинство семей полноценные и благополучные. И они НЕ НУЖДАЮТСЯ в гос контроле и вторжении в свою частную жизнь» (Б.А., жен., 11.12.2019).

В результате участники дискуссии интерпретируют суверенитет как защиту от контроля третьих лиц и выделяют свое частное как сферу, где происходит саморегулирование без вмешательства публичных институтов, — характеристика, присущая либерализму. Таким образом, традиционные ценности выступают как ценности, гарантирующие либеральные практики саморегулирования и отсутствия контроля, четкое разделение на частное и публичное, автономию частного.

Заключение: новое частное и гендерное гражданство

Общественное обсуждение законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия» выявило ряд важных элементов, свидетельствующих о практиках локализации международных инструментов посредством теории культурного суверенитета и партиципаторной модели гендерного гражданства. Именно через участие в дискуссии граждане и гражданки реализовали свою «устойчивую связь с государством», артикулировав свои права и обязанности государства по их гарантии и защите. Основным требованием, однако, выступил тезис о гарантии «невмешательства в дела семьи» и защите семьи от такого вмешательства со стороны третьих лиц: мошенниц, похищающих жилье, НКО, и самого государства с его профилактикой и защитными предписаниями. Дискурс «невмешательства» фреймировался в рамках концепции прав и свобод, где последние выступают важным символом, характерным для постсоветских дискуссий. Противники законопроекта увидели в нем покушение на свободу, очередную попытку государства контролировать их частную жизнь, понимаемую как семейную жизнь.

В рамках концепции культурного суверенитета как женщины, так и мужчины, демаркировали границу, которую государство, с их точки зрения, обязано соблюдать и не нарушать: мы назвали данную локализацию «новым частным», подчеркивая, что предлагаемая интерпретация «частной жизни» в виде «семейной жизни» и защиты от вмешательства в оную, а также использование дискурса «традиционных ценностей» для ее обоснования, свидетельствует не просто об успешной локализации международных практик, но и принадлежности консервативного дискурса к классическим западным концепциям разделения на частную и публичную сферы. «Новое частное» в данной дискуссии приобрело физическую локализацию через рефрейминг

«квартирного вопроса», обсуждаемого в рамках абсолютного права частной собственности. В постсоветском контексте данной дискуссии владение жильем создает физическую границу неприкосновенности, барьер, который никто, прежде всего государство и его агенты, не может пересечь. Особенное раздражение и критику вызвали виды профилактики, которые позволяют общественным организациям оценивать жизнь семьи, то есть если вмешательство государства может восприниматься как необходимое зло, с которым трудно бороться, то вмешательство организаций, не наделенных официальным статусом, воспринимается просто как беспредел, так как дает возможность любому агенту выступить моральным оценщиком семейной жизни.

В процессе дискуссии были затронуты и другие важные для российского общества темы: «нормальные» семейные отношения, понимание семьи как института несвободы, право на использование дисциплины при воспитании детей, демографический упадок, и пр. Тем не менее все они проходили под лозунгами либеральных практик свободы от государства, иронично помещенных в дискурс заботы о его суверенитете.

Литература

Бороздина Е.А. Забота и социальное гражданство // Социологические исследования. 2015. № 10. С. 84–93.

Великая Н.М., Овчарова О.Г. Консервативный поворот российского общества: гендерный акцент // Гендерные ресурсы и формирование нового гендерного порядка в XXI веке / Под ред. Г.Г. Силласте. М.: НИИ экономики ЮФО, 2020. С. 34–43.

Дюбан Э., Давтян М., Фролова В. Исследование по вопросам предотвращения и борьбы с насилием в отношении женщин и домашним насилием, в том числе в ситуациях социального неблагополучия, в Российской Федерации. Страсбург: Совет Европы, 2020. URL: <https://rm.coe.int/publication-research-on-vaw-and-dv-in-situations-of-social-disadvantage/16809e4a05> (дата обращения: 06.05.2021).

Здравомыслова Е., Темкина А. Неотрадиционализм[ы] — трансформация гендерного гражданства в современной России // Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: ЕУСПб, 2007. С. 201–212.

Кондаков А.А. Проклинаемая феминизм в зале суда: конструирование гендерного гражданства в процессе над «Pussy Riot» // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2014. Т. 93. № 1. С. 156–175.

Маркова Я. Анализ официальной риторики противников принятия законопроекта «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» // Логико-философские штудии. 2019. Т. 17. № 3. С. 240–256. DOI: <https://doi.org/10.52119/lphs.2019.13.19.004>

Муравьева М.Г. Традиционные ценности и современные семьи: правовые подходы к традиции и модерну в современной России // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12. № 4. С. 625–638.

Правовой анализ проекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации». 2019. URL: <http://www.familypolicy.ru/rep/rf-19-051-01.pdf> (дата обращения: 06.05.2021).

Российский гендерный порядок: социологический подход / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: ЕУСПб, 2007.

Сердюк Л.В. Семейно-бытовое насилие. Криминологический и уголовно-правовой анализ. М.: Юрлитинформ, 2015.

Сидоренкова Т., Либоракина М.И. Правовые основы защиты от насилия в семье // Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика. Пятый международный симпозиум, 16–17 января 1998 г. М.: Дело, 1998. С. 332–340.

Усманова А. Утраченная приватность: «технологии» депривации в советском и постсоветском контекстах // Перекрестки. Журнал исследований Восточноевропейского пограничья. 2009. № 3–4. С. 88–105.

Bayefsky A.F. Cultural Sovereignty, Relativism, and International Human Rights: New Excuses for Old Strategies // Ratio Juris. 1996. Vol. 9. № 1. P. 42–59. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9337.1996.tb00225.x>

Bibas S. Justice Scalia's Originalism and Formalism: The Rule of Criminal Law as a Law of Rules // Public Law Research Paper. Philadelphia: University of Pennsylvania Law School, 2016. P. 16–32.

Chapnin S. The Rhetoric of Traditional Values in Contemporary Russia // Postsecular Conflicts: Debating Tradition in Russia and the United States / Ed. by K. Stoeckl, D. Uzlaner. Innsbruck: Innsbruck University Press, 2020. P. 127–138. DOI: <https://doi.org/10.15203/3187-99-3-11>

Dowling C. et al. Protection Orders for Domestic Violence: A Systematic Review // Trends and Issues in Crime and Criminal Justice. 2018. № 551. P. 1–19.

Hodžić S. Unsettling Power: Domestic Violence, Gender Politics, and Struggles over Sovereignty in Ghana // Ethnos. 2009. Vol. 74. № 3. P. 331–360. DOI: <https://doi.org/10.1080/00141840903053113>

Höjdestrand T. Nationalism and Civicness in Contemporary Russia: Grassroots mobilization in Defense of Traditional Family Values // Rebellious Parents: Parental Movements in Central-Eastern Europe and Russia / Ed. by K. Fábíán, E. Bekiesza-Korolczuk. Bloomington: Indiana University Press, 2017. P. 31–60. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt2005wgn.5>

Ilyin V. Anatomy of the Russian Conservative Turn // Globalization and New Socio-Political Trends / Ed. by F. Saccà. Roma: Eurilink, 2016. P. 103–124.

Merry S.E. Human Rights Law and the Demonization of Culture (and Anthropology along the Way) // PoLAR: Political and Legal Anthropology Review. 2003. Vol. 26. № 1. P. 55–76. DOI: <https://doi.org/10.1525/pol.2003.26.1.55>

Meyer D.Z., Avery L.M. Excel as a Qualitative Data Analysis Tool // Field Methods. 2009. Vol. 21. № 1. P. 91–112. DOI: <https://doi.org/10.1177/1525822x08323985>

Muravyeva M. Bytovukha: Family Violence in Soviet Russia // Aspasia. 2014. Vol. 8. № 1. P. 90–124. DOI: <https://doi.org/10.3167/asp.2014.080106>

Muravyeva M. Conservative Jurisprudence and the Russian State // Europe-Asia Studies. 2017. Vol. 69. № 8. P. 1145–1152. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1377504>

Muravyeva M., Hoare J. Balanced Participation of Women and Men in Political and Public Decision Making in the Russian Federation: Report on European Best Practices. Strasbourg: Council of Europe, 2020.

Pateman C. Equality, Difference and Subordination: The Politics of Motherhood and Women's Citizenship // Beyond Equality and Difference. Citizenship, Feminist Politics and Female Subjectivity / Ed. by G. Bock, S. James. London, N.Y.: Routledge, 1992. P. 17–31. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203982266>

Pateman C. The Sexual Contract. Stanford: Stanford University Press, 1988.

Pateman C. Women and Democratic Citizenship. Berkeley: The Jefferson Memorial Lectures at the University of California, 1985.

Siim B. Gender and Citizenship: Politics and Agency in France, Britain and Denmark. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9781139106672>

Turner B. Citizenship and Social Theory. London: Sage Publications, 1993.

Walby S. Is Citizenship Gendered? // Sociology. 1994. Vol. 28. № 2. P. 379–395. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038594028002002>

Whitman J.Q. The Two Western Cultures of Privacy: Dignity Versus Liberty // Yale Law Journal. 2004. Vol. 113. P. 1151–1221. DOI: <https://doi.org/10.2307/4135723>

Сведения об авторе:

Муравьева Марианна Георгиевна — кандидат исторических наук, профессор российского права и управления, Университет Хельсинки, Финляндия.
E-mail: marianna.muravyeva@helsinki.fi. **РИНЦ Author ID:** 149917; **ORCID ID:** 0000-0002-7880-0329; **ResearcherId:** F-1375-2015.

Статья поступила в редакцию: 30.06.2021

Принята к публикации: 10.09.2021

.....

'My Family and I Are Absolutely against This Law': Gender Citizenship and Domestic Violence in Contemporary Russia

DOI: 10.19181/inter.2021.13.3.2

Marianna G. Muravyeva

University of Helsinki, Helsinki, Finland

E-Mail: marianna.muravyeva@helsinki.fi.

The article examines how post-soviet legal initiatives on prevention of intimate partner and domestic violence relate to the concepts of gender citizenship and the “new private” which transformed gender order in the Russian Federation. To explore emerging concepts the article focuses on the discursive practices of the public debate on the draft law “On prevention of family-domestic violence,” which was released by the Federation Council for the online public discussion on 29 November 2019 and became the most debated draft law drawing 11,186 online entries as comments. Using grounded theory to identify main discursive clusters of the public debate, the article offers an analysis of how theories of cultural sovereignty and the “new private” which are articulated in contemporary Russian public space.

This analysis, supplemented by the examination of other legal and policy documents on prevention of violence against women, gender policy and human rights of women, resulted in conclusions that in post-soviet Russia the concept of gender citizenship has been developing in the close relationship with the concept of cultural sovereignty, which provides the State with legitimate ways to exercise a selective approach to the guarantees of human rights and reject gender-sensitive legislation on the grounds of protecting the family as a traditional value at the expense of human rights of women.

Keywords: gender citizenship; violence against women; domestic violence; cultural sovereignty; family-domestic violence; traditional values

References

Bayefsky A.F. (1996) Cultural Sovereignty, Relativism, and International Human Rights: New Excuses for Old Strategies. *Ratio Juris*. Vol. 9. No. 1. P. 42–59. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9337.1996.tb00225.x>

Bibas S. (2016) Justice Scalia's Originalism and Formalism: The Rule of Criminal Law as a Law of Rules. *Public Law Research Paper*. Philadelphia: University of Pennsylvania Law School. P. 16–32.

Borozdina E.A. (2015) Zabota i social'noe grazhdanstvo [Care and Social Citizenship]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10. P. 84–93. (In Russ.)

Chapnin S. (2020) The Rhetoric of Traditional Values in Contemporary Russia. In: Stoeckl K., Uzlaner D. (eds.) *Postsecular Conflicts: Debating Tradition in Russia and the United States*. Innsbruck: Innsbruck University Press. P. 127–138. DOI: <https://doi.org/10.15203/3187-99-3-11>

Dowling C. et al. (2018) Protection Orders for Domestic Violence: A Systematic Review. *Trends and Issues in Crime and Criminal Justice*. No. 551. P. 1–19.

Dyuban E., Davtyan M., Frolova V. (2020) *Issledovanie po voprosam predotvrashcheniya i bor'by s nasiliem v otnoshenii zhenshchin i domashnim nasiliem, v tom chisle v situatsiyah social'nogo neblagopoluchiya, v Rossijskoj Federacii* [Research on the prevention and combating of violence against women and domestic violence including in situations of social disadvantage in the Russian Federation]. Strasburg: Sovet Evropy. URL: <https://rm.coe.int/publication-research-on-vaw-and-dv-in-situations-of-social-disadvantage/16809e4a05> (accessed 6 May 2021). (In Russ.)

Hodžić S. (2009) Unsettling Power: Domestic Violence, Gender Politics, and Struggles over Sovereignty in Ghana. *Ethnos*. Vol. 74. No. 3. P. 331–360. DOI: <https://doi.org/10.1080/00141840903053113>

Höjdestrand T. (2017) Nationalism and Civicness in Contemporary Russia: Grassroots mobilization in Defense of Traditional Family Values. In: Fábíán K., Bekiesza-Korolczuk E. (eds.) *Rebellious Parents: Parental Movements in Central-Eastern Europe and Russia*. Bloomington: Indiana University Press. P. 31–60. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt2005wgn.5>

Ilyin V. (2016) Anatomy of the Russian Conservative Turn. In: Saccà F. (ed.) *Globalization and New Socio-Political Trends*. Roma: Eurilink. P. 103–124.

Kondakov A.A. (2014) Proklinaya feminizm v zale suda: konstruirovaniye gendernogo grazhdanstva v processe nad "Pussy Riot" [Cursing Feminism in the Courtroom: Constructing Gender Citizenship in the "Pussy Riot" Trial]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture* [An Inviolable Reserve. Debates about Politics and Culture]. Vol. 93. No. 1. P. 156–175. (In Russ.)

Markova Ya. (2019) Analiz oficial'noj ritoriki protivnikov prinyatiya zakonoproekta "O profilaktike semejno-bytovogo nasiliya v Rossijskoj Federacii" [An Analysis of the Official Rhetoric against the Enactment of the Draft Bill "On Domestic Violence Prevention in the Russian Federation"]. *Logiko-filosofskie shtudii* [Logical and Philosophical Studies]. Vol. 17. No. 3. P. 240–256. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.52119/lphs.2019.13.19.004>

Merry S.E. (2003) Human Rights Law and the Demonization of Culture (and Anthropology along the Way). *PolLAR: Political and Legal Anthropology Review*. Vol. 26. No. 1. P. 55–76. DOI: <https://doi.org/10.1525/pol.2003.26.1.55>

Meyer D.Z., Avery L.M. (2009) Excel as a Qualitative Data Analysis Tool. *Field Methods*. Vol. 21. No. 1. P. 91–112. DOI: <https://doi.org/10.1177/1525822x08323985>

Muravyeva M. (2014) Bytovukha: Family Violence in Soviet Russia. *Aspasia*. Vol. 8. No. 1. P. 90–124. DOI: <https://doi.org/10.3167/asp.2014.080106>

Muravyeva M. (2017) Conservative Jurisprudence and the Russian State. *Europe-Asia Studies*. Vol. 69. No. 8. P. 1145–1152. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1377504>

Muravyeva M., Hoare J. (2020) *Balanced Participation of Women and Men in Political and Public Decision Making in the Russian Federation: Report on European Best Practices*. Strasbourg: Council of Europe.

Muravyeva M.G. (2014) Traditsionnye tsennosti i sovremennye sem'i: pravovye podhody k traditsii i modernu v sovremennoj Rossii [Traditional Values and Modern Families: Legal Understanding of Tradition and Modernity in Contemporary Russia]. *Zhurnal issledovaniy social'noj politiki* [Journal of Social Policy Studies]. Vol. 12. No. 4. P. 625–638. (In Russ.)

Pateman C. (1985) *Women and Democratic Citizenship*. Berkeley: The Jefferson Memorial Lectures at the University of California.

Pateman C. (1988) *The Sexual Contract*. Stanford: Stanford University Press.

Pateman C. (1992) Equality, Difference and Subordination: The Politics of Motherhood and Women's Citizenship. In: Bock G., James S. (eds.) *Beyond Equality and Difference. Citizenship, Feminist Politics and Female Subjectivity*. London, N.Y.: Routledge. P. 17–31. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203982266>

Pravovoj analiz proekta Federal'nogo zakona "O profilaktike semejno-bytovogo nasiliya v Rossijskoj Federacii" [Law Analysis of the Draft Federal Law "On the Prevention of Domestic Violence in the Russian Federation"] (2019) URL: <http://www.familypolicy.ru/rep/rf-19-051-01.pdf> (accessed 6 May 2021). (In Russ.)

Serdyuk L.V. (2015) *Semejno-bytovoje nasilie. Kriminologicheskij i ugolovno-pravovoj analiz* [Family and Domestic Violence. Criminological and Criminal Law Analysis]. Moscow: Yurлитinform. (In Russ.)

Sidorenkova T., Liborakina M.I. (1998) Pravovye osnovy zashchity ot nasiliya v sem'e [Legal bases of protection from domestic violence]. *Kuda idet Rossiya? Transformaciya social'noj sfery i social'naya politika. Pyatij mezhdunarodnyj simpozium, 16–17 yanvarya 1998 g.* [Where is Russia going? Transformation of the social sphere and social policy. The Fifth International Symposium, January 16-17, 1998]. Moscow: Delo. P. 332–340. (In Russ.)

Siim B. (2000) *Gender and Citizenship: Politics and Agency in France, Britain and Denmark*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9781139106672>

Turner B. (1993) *Citizenship and Social Theory*. London: Sage Publications.

Usmanova A. (2009) Utrachennaya privatnost': "tekhnologii" deprivacii v sovetskom i post-sovetskom kontekstah [Lost privacy: "technologies" of deprivation in the Soviet and post-Soviet contexts]. *Perekrestki. Zhurnal issledovanij Vostochnoevropejskogo pogranich'ya* [Intersections. Journal of Studies of the Eastern European Borderland]. No. 3–4. P. 88–105. (In Russ.)

Velikaya N.M., Ovcharova O.G. (2020) Konservativnyj povorot rossijskogo obshchestva: gendernyj akcent [The conservative turn of Russian society: gender emphasis]. In: Sillaste G.G. (ed.) *Gendernye resursy i formirovanie novogo gendernogo poryadka v XXI veke* [Gender resources and the formation of a new gender order in the XXI century]. Moscow: NII ekonomiki YUFO. P. 34–43. (In Russ.)

Walby S. (1994) Is Citizenship Gendered? *Sociology*. Vol. 28. No. 2. P. 379–395. DOI: <https://doi.org/10.1177/0038038594028002002>

Whitman J.Q. (2004) The Two Western Cultures of Privacy: Dignity Versus Liberty. *Yale Law Journal*. Vol. 113. P. 1151–1221. DOI: <https://doi.org/10.2307/4135723>

Zdravomyslova E., Temkina A. (2007) Neotradicionalizm[y] — transformaciya gendernogo grazhdanstva v sovremennoj Rossii [Neotraditionalism[s] — the transformation of gender citizenship in modern Russia]. In: Zdravomyslova E., Temkina A. (eds.) *Rossiyskiy gendernyy poryadok: sotsiologicheskij podkhod* [Russian gender order: a sociological approach]. St. Petersburg: EUSPb. P. 201–212. (In Russ.)

Zdravomyslova E., Temkina A. (eds.) (2007) *Rossiyskiy gendernyy poryadok: sotsiologicheskij podkhod* [Russian gender order: a sociological approach]. St. Petersburg: EUSPb. (In Russ.)

Author bio:

Marianna G. Muravyeva — Candidate of Historical Sciences, Professor of Russian Law and Administration, University of Helsinki, Finland. **E-mail:** marianna.muravyeva@helsinki.fi. **RSCI Author ID:** 149917; **ORCID ID:** [0000-0002-7880-0329](https://orcid.org/0000-0002-7880-0329); **ResearcherId:** F-1375-2015.

Received: 30.06.2021
Accepted: 10.09.2021